

Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии

А. В. Енокян

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5758-7637>, e-mail: artyomyen@gmail.com

Д. В. Станис

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9824-0365>, e-mail: stanis_dv@rudn.university.ru

Аннотация. В контексте своей политики на Южном Кавказе Турция особое место уделяет Грузии, которая в связи с трудностями в армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношениях приобрела роль надежного моста не только к важным партнёрам – Азербайджану и тюркоязычным странам Центральной Азии, но и к другим пространствам: Россия на севере, Центральная Азия на востоке, Ближний Восток на юге и Европа на западе. При анализе турецкого влияния в Грузии наиболее интересным и изученным является рассмотрение фактора турецкой «мягкой силы», которая чуть ли не считается образцовой по своей успешности в постсоветском пространстве. Однако данный процесс не был столь гладок и часто встречал противодействие со стороны других групп интересов, которые, ссылаясь на «исторический контекст», рассматривали Турцию не как «доброе соседство», а как «угрозу» внутренней безопасности. В начале XXI в. Турция концептуально разработала и начала в полной мере применять свою политику мягкого воздействия в странах региона, особенно активно в Азербайджане и Грузии. Результатом стало то, что у Турции сложились близкие и даже союзнические отношения с двумя из трех южнокавказских государств. Значимость и влияние Турции в регионе сопровождается успешной региональной политикой, которая с помощью «мягкой силы» привлекает государства Южного Кавказа учитывать фактор Турции в регионе и считаться с ним.

Ключевые слова: Турция, Грузия, внешняя политика, «мягкая сила», культура, образовательная политика, ТІКА, Фонд Юнуса Эмре, Diyanet, гюленовское движение.

Для цитирования: Енокян А. В., Станис Д. В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии // Постсоветские исследования. 2022;8(5):787-798.

The factor of soft power in the promotion of the Turkish interests in Georgia

Artem V. Yenokyan

RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5758-7637>, e-mail: artyomyen@gmail.com

Daria V. Stanis

RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9824-0365>, e-mail: stanis_dv@rudn.university.ru

Abstract. In the context of its policy in the South Caucasus, Turkey pays special attention to Georgia, which due to the difficulties in the Armenian-Azerbaijani and the Armenian-Turkish relations has acquired the role of a reliable bridge not only to important partners - Azerbaijan and Turkic-speaking countries of Central Asia, but also to other sides: Russia to the north, Central Asia to the east, the Middle East to the south and Europe to the west. While analyzing the Turkish influence in Georgia, the most interesting and studied issue is the consideration of the Turkish “soft power” factor, which is almost considered to be exemplary in terms of its success in the post-Soviet space. However, this process was not so smooth and often met with opposition from other interest groups,

which, referring to the "historical context", saw Turkey not as a "good neighbor" but as a "threat" to internal security. At the beginning of the XXI century, Turkey conceptually developed and began to fully apply its policy of soft influence in the countries of the region, especially actively in Azerbaijan and Georgia. In the result, Turkey has developed close and even allied relations with two states of the three South Caucasian ones. The importance and influence of Turkey in the region is accompanied by a successful regional policy, which, with the help of "soft power", attracts the states of the South Caucasus to take into account the factor of Turkey in the region and to reckon with it.

Keywords: Turkey, Georgia, foreign policy, "soft power", culture, education policy, TİKA, Yunus Emre Foundation, Diyanet, Gülen movement.

For citation: Artem V. Yenokyan, Daria V. Stanis. The Factor of "Soft Power" in the Promotion of The Turkish Interests in Georgia // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):787-798. (In Russ.)

Интересы Турции в Грузии.

С активизацией региональной политики после 2002 г. Грузия с турецкой стороны была определена как жизненно важная артерия и мост между Западом и Востоком, стратегическое расположение которой играет одну из ключевых ролей в реализации региональных и международных транспортно-логистических проектов.

После провозглашения независимости стран Южного Кавказа свою деятельность в регионе активизировали как региональные, так и глобальные акторы международных отношений. Среди этих акторов Турция также внедряется в регион с целью создания своей зоны влияния, а в условиях Карабахского конфликта, армяно-турецких, армяно-азербайджанских непростых взаимоотношений Грузия приобрела особо важную роль в региональной политике Турции.

В регионе Южного Кавказа Грузия всегда находилась в зоне особых интересов Турции, а его «стратегическое значение можно объяснить сочетанием политических, экономических, культурно-исторических и этнических факторов» [Areshev 2016: 7–21]. Турция также отмечала стратегическое значение Грузии во своей внешней политике из-за ее географического положения, «имеющей выход на четыре важнейших геополитических пространства: Россию на севере, Центральную Азию на востоке, Ближний Восток на юге и Европу на западе» [Мгалоблишвили 2016: 72].

16 декабря 1991 г. Турция была первой страной, которая признала независимость Грузии, однако дипломатические отношения между Турцией и Грузией установились 21 мая 1992 г., после того как Эдуард Шеварднадзе смог вернуться в Грузию и занять пост председателя Государственного совета (фактически глава Грузии). На политические изменения в Грузии Турция положительно отреагировала, чему последовали визит премьер-министра Турции С. Демиреля в Грузию и в 30 июля 1992 г. подписание договора о «Дружбе и сотрудничестве» [Охрименко 2008], который стал основным документом двусторонних взаимоотношений.

Двусторонние отношения между Турцией и Грузией начали стремительно развиваться в начале 2000-х гг. Активизация закавказского направления внешней политики Турции в этот период связана с концепциями А. Давутоглу по пересмотру региональной политики и со сменой власти в Грузии после Революции роз в 2003 г.

Важным событием прозападной и протурецкой ориентации Грузии стала так называемая «Революция роз» в октябре 2003 г. и приход к власти М. Саакашвили, после чего в Концепции национальной безопасности Грузии (2005 г.) приоритетами внешней политики страны было провозглашено членство в НАТО и ЕС, а также сотрудничество с Турцией¹.

Активизация политики Анкары сопровождалась уменьшением роли России,

¹ Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г.) // *Новости Грузии*. 15.10.2010. URL:

<https://newsgeorgia.ru/spravki/20100509/213153512.htm>
1 (дата обращения: 14.02.2021).

что особо проявилось после вооружённых конфликтов 2008 года и признания Россией Абхазии и Южной Осетии. Турция, укрепив свои позиции, проявила особый интерес к роли лидера в регионе и сделала попытку пополнить вакуум, который был образован после расторжения отношений между Россией и Грузией [Алексамян 2017: 308]. Для достижения этого лидерства была предложена турецкая инициатива создания «Платформы сотрудничества и безопасности на Кавказе», где планировалось в состав этой платформы включить три страны региона, Турцию и Россию [Манчхашвили 2010: 101]. В силу слабого регионального влияния Турции, существующих противоречий и конфликтов, отсутствия США и ЕС в инициативе данный план не был реализован [Aras 2011: 64]. В итоге Платформа продемонстрировала ограниченные возможности Турции в регионе [Balci 2014].

Однако с неудачей платформы Турция не ослабила свою политику в регионе и продвигала свои интересы через процесс развития отношений в трехстороннем формате Грузия-Турция-Азербайджан, в рамках чего 8 июня 2012 г. стороны подписали Трабзонскую декларацию. Согласно декларации стороны, обязались поддерживать друг друга в международных организациях, сотрудничать в вопросе урегулирования конфликтов в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии основываясь на международно-признанных границах Азербайджана и Грузии, развивать сотрудничество в вопросах экономики, культуры, инфраструктуры и прямых капиталовложений¹. Таким образом, при сложных армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношениях, Грузия стала единственным и надежным выходом для Турции в Азербайджан и центральноазиатские тюркоязычные государства, также, наряду с Азербайджаном, Грузия приобрела роль стратегического союзника в регионе.

Характер турецко-грузинских отношений был переосмыслен грузинской стороной после 2012 г., что было обусловлено внутренними и внешними преобразованиями. В октябре 2012 г. оппозиционная коалиция «Грузинская мечта», одержав победу на парламентских выборах, начала искать пути диверсификации внешней политики страны и объявила о приверженности прагматичной политике в регионе. Новая политическая элита обвинила президента М. Саакашвили (2004–2013 гг.) в том, что его антироссийская, явно прозападная и, в контексте этого, протурецкая политика Грузии привела страну к политической, экономической и энергетической зависимости не только от Турции, но и от Азербайджана. Чтобы как-то противодействовать дальнейшему углублению этого влияния «Грузинская мечта» разработала и приняла в парламенте резолюцию о направлениях внешней политики Грузии, согласно которой Грузия подтвердила курс на сохранение прозападной ориентированности и одновременно отказалась от яростной антироссийской риторики в пользу диалога с Россией². Однако Грузия не отказывалась от Турецкого и Азербайджанского экономического влияния, а начала искать альтернатив энергетического баланса в сотрудничестве с Ираном и Россией.

После Второй карабахской войны Баку и Анкара объявили о создании платформы "3+3", в которую, помимо Азербайджана и Турции, должны были войти Россия, Грузия, Иран и Армения. Именно Грузия стала той стороной, которая отказалась участвовать в новом формате. В частности, глава МИД Грузии Д. Залкалиани объявил, что «на данном этапе не видит возможности совместного с Россией участия Грузии в

¹ Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic Of Azerbaijan, Georgia And The Republic Of Turkey // Ministry of Foreign Affairs. 08.06.2012. URL: <https://mfa.gov.ge/getattachment/MainNav/ForeignPolic>

y/BilateralRelations/Trabzon-Declaration.pdf.aspx (дата обращения 12.02.2022)

² Полный текст резолюции «О направлениях внешней политики Грузии» // NewsGeorgia. 03.08.2013. URL: <http://www.newsgeorgia.ru/politics/20130308/215583721.html> (дата обращения: 21.04.2022)

новых региональных форматах»¹. Грузия опасалась, что в данном формате у нее будут очень слабые позиции, так как Тбилиси не

устраивает не только участие России, но и отсутствие Запада, ключевых партнеров республики - США и ЕС.

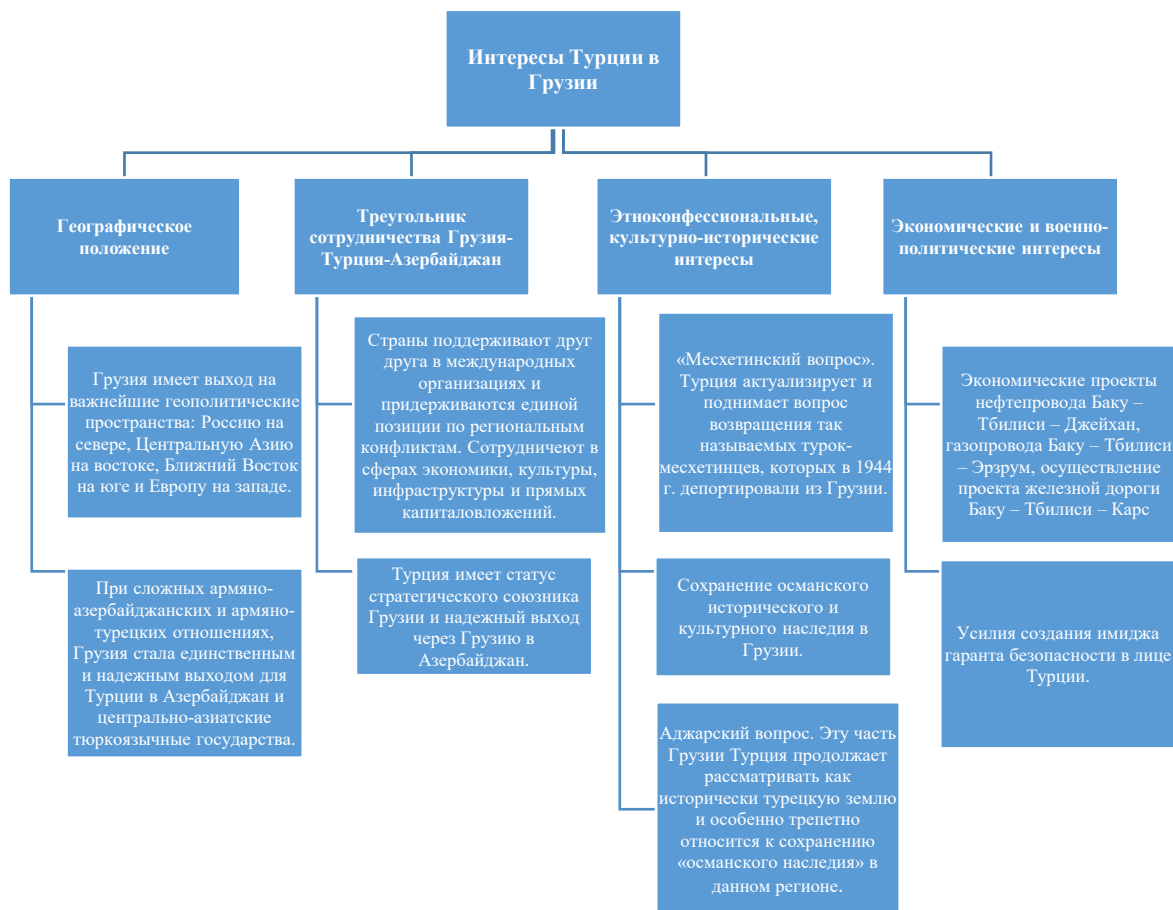

Рисунок 1. Интересы Турции в Грузии.

Однако в турецко-грузинских отношениях существуют и множество проблем, среди которых Грузию особо беспокоят контакты турецкого руководства с Абхазией и Южной Осетией. 19 февраля 2016 г. глава МИД Турецкой Республики М. Чавушоглу на трехсторонней встрече с Азербайджаном и Грузией заявил, что Абхазия и Южная Осетия являются частью Грузии, а Нагорный Карабах – частью

Азербайджана [Карапетян 2017: 92]. Несмотря на такого рода заявления, Турция развивала отношения с Абхазией и не ограничивала антигрузинскую деятельность 700 тысячной абхазской общины Турции [Çelikpala 2005: 180]. В 2014 г. Абхазию посетила официальная делегация парламента Турецкой Республики, также совершались визиты абхазских делегаций в Турцию, чему последовала активизация турецкого бизнеса

¹ Платформа "3+3" – вопросов больше, чем ответов // Спутник Азербайджан. 02.11.2021. URL: <https://az.sputniknews.ru/20211102/platforma-33-->

voprosov-bolshe-chem-otvetov-434787525.html (дата обращения 12.02.2022)

в Абхазии и создание турецко-абхазских ассоциаций [Геворгян, Енокян, Мелконян 2020: 80]. Грузия не раз выражала свой протест насчет налаживания таких отношений между Турцией и Абхазией в обход Тбилиси, но решительных успехов не добивалась.

Также стоит отметить, что Турция спокойно реагировала на попытки Южной Осетии налаживания двухсторонних отношений. Во время пребывания в Стамбуле министр иностранных дел Республики Южная Осетия Дмитрий Медоев вручил Ремзи Канукати удостоверение Полномочного Представителя МИД РЮО и дипломатический паспорт РЮО. Данный шаг подразумевает наличие политических и дипломатических отношений между Анкарой и Цхинвали [Геворгян, Енокян, Мелконян 2020: 80]. Такими контактами Турция стремится обеспечить свое присутствие и продвигать свои интересы не только в признанных, но и непризнанных государствах Южного Кавказа.

Важным аспектом политики Турецкой Республики по отношению к Грузии также является «месхетинский вопрос». Турция актуализирует и поднимает вопрос возвращения так называемых тюрк-месхетинцев, которых в 1944 г. депортировали из Грузии. Данный вопрос имеет для Турции стратегическое значение: Анкара стремится населять своих соплеменников в регионе Самцхе-Джавахети Грузии, которая преимущественно населена армянами, создавая благоприятные условия для распространения своего влияния в этой части Грузии.

Важным аспектом взаимных интересов стран является безопасность и военное сотрудничество, в рамках чего Турция стала проводником для Грузии в

евроатлантические структуры (Грузия установила первые контакты с НАТО, присоединившись в 1992 г. к Совету североатлантического сотрудничества и в 1994 г. – к программе «Партнерство ради мира»). Одним из важнейших документов в военной сфере стало Соглашение о военном сотрудничестве, подписанное в марте 1999 г. После данного договора грузинская политическая элита охарактеризовала турецко-грузинские военные взаимоотношения как «стратегическое партнерство» [Uslu 2003: 172]. С 2012 года проходят турецко-грузино-азербайджанские военные учения «Кавказский орел» с участием сил специальных операций трех стран, а в мае 2017 г. в Батуми на очередной встрече министров обороны 3 стран, была подчеркнута необходимость более глубокого военного сотрудничества Турция-Грузия-Азербайджан. Говоря о значимости Грузии, турецкие исследователи П. Акпынар и Б. Арас утверждают, что «в интересах Турции продолжать позитивные отношения с Грузией, учитывая безопасность границ и энергетические ресурсы» [Aras 2011: 54].

Экономические интересы имеют ключевое значение в сотрудничестве двух стран, и базируются на договоре «О торговле и экономическом сотрудничестве» (1992 г.) и на «Соглашении о свободной торговле» (2007 г.). Развитие этих взаимоотношений определяются также стремлением Грузии максимально успешно реализовать свой транзитный потенциал в новых энергетических и транспортных проектах региона. Торговые связи охватывают такие области экономики, как энергетика, туризм, финансы, транспорт и т. д. Турция является крупнейшим торговым партнером Грузии с объемом двусторонней торговли в 1,8 млрд долларов США в 2019 г. (см. рис. 2).

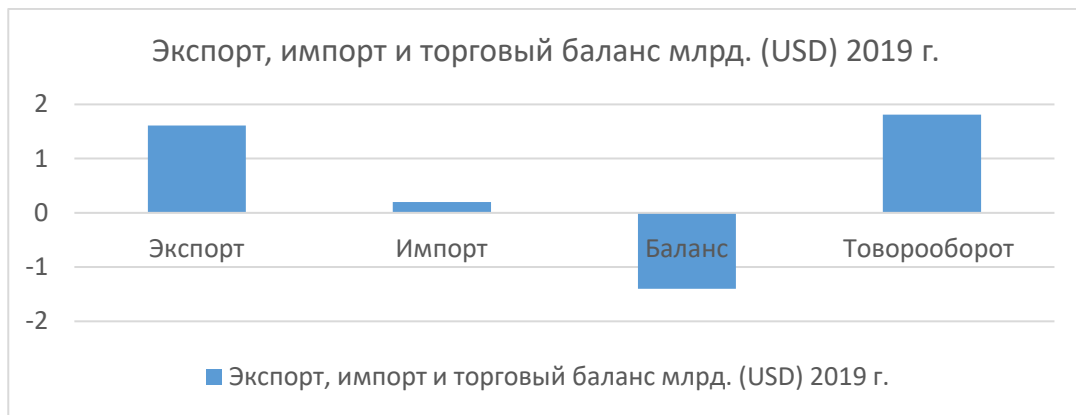

Рисунок 2. Экспорт, импорт и торговый баланс между Турцией и Грузией. 2019 г¹.

Согласно вышеуказанным данным, можно констатировать, что дисбаланс турецко-грузинской торговли высокий, что показывает неспособность грузинской экономической сферы занять место в турецком внутреннем рынке. Ситуация не очень отличается и в области инвестиций. Турецкие компании работают в Грузии в сфере строительства, промышленности, услуг, логистики, они осуществляют деятельность в таких стратегически важных прокатах, как железнодорожное строительство, строительство нефтяных трубопроводов и гидроэлектростанций, модернизация и управление аэропортами и службами полетов, банковское дело и т. д.

Однако логистическая роль Грузии в энергетической политике Турции очень велика. Участие Грузии в каспийских энергетических проектах в качестве страны обеспечивавшей транзит повысила значение Тбилиси во внешней политике Турции и неизбежно сделало две страны взаимозависимыми. Турецкие экономические интересы в Грузии обусловлены также тем, что Грузия рассматривается как коридор для выхода на европейские рынки и в Азербайджан. В экономическом аспекте в развитии сотрудничества важную роль сыграли успешные проекты нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровода Баку – Тбилиси – Эрзрум, осуществление проекта железной дороги Баку – Тбилиси – Карс [Sayin 2017: 42–54]. В этом контексте очень важно упомянуть железную дорогу Баку —

Тбилиси-Карс (срок завершения в 2017 г.). Железная дорога БТК соединит железные дороги Азербайджана, Грузии и Турции (826 км), является важной веткой связи европейских стран со странами Азии, минуя Россию и Армению. С февраля 2016 г. также начался транзит электроэнергии (около 80 мегаватт мощности) из Азербайджана в Турцию через Грузию. Фактически Грузия приобрела для Турции статус транзитной сервисной страны [Алексамян 2017: 307].

Таким образом можно сделать вывод, что Турецкая зона интересов распространялась не только на транспортно-логистических и экономических, но и этноконфессиональных, военно-стратегических, и политических сферах в Грузии, а для реализации своих внешнеполитических целей турецкая элита, особенно в случае Грузии, основывалась на политике «мягкой силы» с использованием государственных и негосударственных организаций. Однако, как и в случае с Арменией, историческое прошлое и непреодоленный образ «завоевателя и угрозы» в лице Турции не дают возможность в полной мере реализовать политику «мягкой силы» Турции в Грузии. Главными проблемными вопросами остаются противоречия в религиозной, территориальной и этнической плоскостях, для преодоления которых пока что турецкая «мягкая сила» не владеет необходимыми ресурсами. Несмотря на данные факторы, Анкара добилась очень многих удач военно-политической, экономической, культурной сферах, и используя весь инструментарий

¹ საქართველოს სტატისტიკის ეროვნული სამსახური // Национальное статистическое управление Грузии. URL: <http://ex-trade.geostat.ge/ka>. (дата обращения 12.02.2022)

«мягкой силы» смогла позиционировать себя как одного из важных союзников Грузии, без сотрудничества с которой Тбилиси не сможет достичь своих внешнеполитических целей.

Политика «мягкой силы» Турции в Грузии: государственные и негосударственные институты.

Важнейшую роль во внешней политике Турции по отношению к Грузии играет политика «мягкой силы», с помощью которой Анкара, основываясь на указанных в первой главе концептуальных основах, смогла успешно повысить свое влияние и продвигать свои интересы. Основной целью этих стратегий является с помощью экономики, науки, технологий, образования и дипломатии включение в сферу своего влияния новых стран и особенно страны сопредельных регионов. Основными направлениями политики «мягкой силы» Турции в Грузии стали:

- *Культурное сотрудничество и развитие турецкого языка*
- *Сотрудничество в сфере образования и науки*
- *Экономическое сотрудничество*
- *Религиозные связи (в определенных регионах)*

Как мы уже указали, стратегия «мягкой силы» с новой силой во внешней политике Турции начала развиваться после 2002 года, когда к власти пришла Партия справедливости и развития, которая под основу своей внешнеполитической деятельности взяла доктрину «Стратегическая глубина» [Yeşiltaş 2013: 661–687] и в дальнейшем подход «ноль проблем с соседями» [Safonkina 2014: 148]. Разработанные комплексные подходы и инструменты в скором времени начали очень активно внедряться в Грузии, главная цель которых была продвижение турецких интересов. Подход «Ноль проблем с соседями», который предполагал взаимный диалог и решение конфликтов, углубление экономических и культурно-образовательных связей за короткий период времени принес первые плоды¹.

Говоря об успешности политики «мягкой силы» Турции в регионе А. Давутоглу, указывая на состояние взаимоотношений с Турцией, считает Грузию «наиболее ярким примером успеха Турции в регионе» [Davutoğlu 2008: 77–96].

Сразу после распада СССР и признания Турцией независимости Грузии (16 декабря 1991 г.) турецкие государственные и негосударственные организации стали активно внедряться в культурную, экономическую, научно-техническую и образовательную среду в Грузии. Грузинская политическая элита со своей стороны, понимая потенциал торгово-экономической и инвестиционной выгоды, не противодействовала проявлениям турецкой «мягкой силы», которая очень деликатно развивала культурное сотрудничество и продвижение турецкого языка, также активизировала сотрудничество в области образования и науки.

Турецкая политика «мягкой силы» не отводила на второй план экономическое и военно-политическое сотрудничество, а наоборот, после успешного наращивания своего присутствия в этих сферах «второй волной» обеспечивала продвижение турецкой культуры и языка в Грузии. Помимо министерства иностранных дел, министерства туризма и культуры, министерства общественной дипломатии, в Турции были созданы несколько крупных ведомств для введения данной политики. Из них в Грузии активную деятельность ведут:

- *Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (TİKA),*
- *Фонд Юнуса Эмре*
- *Управление по делам религии Турции (Diyamet)* [Енокян, Закарян, Турава 2021: 19].

Турецкое агентство ТІКА, которое образовалось в 1994 г. и начало вести активную деятельность в Грузии, осуществляло крупные проекты не только в культурно-образовательной сфере, но и в экономике, здравоохранении, туризме и т. д. В рамках проекта в Грузии строились школы и другие образовательные учреждения, а

¹ Yeni Dönemde Sıfır Sorun Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL:

<http://www.mfa.gov.tr/yeni-donemde-sifir-sorun-politikasi.tr.mfa> (дата обращения 12.02.2022)

одним из главных достижений организации ТІКА после 2000 г. стал масштабный проект «Тюркология», в рамках которого грузинские университеты стали внедрять в свои учебные программы турецкий язык и основы турецкой культуры. ТІКА продолжает свою активную деятельность в Грузии. На постсоветском пространстве Грузия по числу и масштабам проектов ТІКА занимает второе место после Киргизии [Aleksanyan 2016: 72-79].

Среди инструментов «мягкого воздействия» особую роль играет Институт Юнуса Эмре, который своей основной целью считает распространение турецкой культуры и продвижение турецкого языка во всем мире. Именно во время активной фазы турецкой политики «мягкой силы» в 2007 г. был создан Институт Юнуса Эмре, который взял в основу своей деятельности продвижение и обучение турецкой культуре, истории, языку и литературе¹. Институт со дня основания успел открыть по всему миру 58 филиалов. В 2011 г. в Тбилиском государственном университете имени И. Джавахишвили был открыт культурный центр Юнуса Эмре [Сафонкина 2014: 145]. По данным филиала Института Юнуса Эмре в Тбилиси, «жители Грузии проявляют интерес не только к турецкому языку, но и культуре»².

Благодаря Диянету Турция ведёт активную религиозно-просветительскую деятельность среди исламских верующих в Грузии и знакомит их с турецкой интерпретацией ислама, тем самым расширяя свое влияние на мусульманское меньшинство страны. Следует отметить, что Диянет имеет тесные связи с муфтиятом, который является официальным органом, представляющим интересы аджарских мусульман [Ivanov 2011: 79-90]. Диянет также осуществляет реставрации и

строительства мечетей и активно набирает грузинских студентов в религиозно-просветительские курсы по исламу.

Продвижением турецкой культуры и изучением «общего османского наследия» напрямую занимается также турецкое правительство, важным успехом которой стал формат «стратегического совета» между Грузией и Турцией, в рамках чего в 2017 г. Турция смогла добиться обязательств со стороны Грузии реставрировать памятники османского наследия, создать совместную рабочую группу, которая займется вопросами реставрации памятников материальной культуры. Страны также объявили о сотрудничестве в таких сферах искусства, как театр, кино и литература. Турция получила доступ к большому количеству архивных материалов, в рамках которой Грузия взяла на себя обязательство содействовать представителям второй стороны в поиске информации и документации, хранящихся в национальных и ведомственных архивах (фотографии, проекты, гравюры, карты и др.)³.

Особо интересным для исследования Турецкой политики «мягкой силы» в Грузии является сфера образования. Как показывают статистические данные турецкое высшее образование является очень популярным для грузинских студентов. Согласно статистике Министерства образования Турции, в 2018 г. в турецких университетах обучались 689 студентов из Грузии: 256 женщин и 433 мужчины. Показатель был самым высоким за последние пять лет (см. рис. 3)⁴. В основном обучающиеся получают образование в государственных университетах. По данным 2013–2018 гг. уехавшие из Грузии студенты учатся примерно в 80 турецких вузах, большинство – в университете Реджепа Тайипа Эрдогана в Ризе [Енокян, Закарян, Турава 2021: 25].

¹Vizyon – Misyon 2023 Vizyonu // Yunus Emre Vakfi. URL: <https://www.yee.org.tr/tr/kurumsal/vizyon-misyon> (дата обращения 12.02.2022)

²Жители Грузии проявляют интерес к курсам турецкого языка // Anadolu Agency. 18.02.2020. URL: <https://inlnk.ru/YAjpXp> (дата обращения 10.03.2022)

³Грузия планирует реставрировать памятники османского наследия // EurAsia Daily. 24.05.2017.

URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/24/gruziya-planiruet-restavrirovat-pamyatniki-osmanskogonaslediya> (дата обращения 06.03.2022).

⁴საქართველოდან თურქეთში სასწავლებლად წასული სტუდენტების რაოდენობა [ინფოგრაფიკა] // URL: <https://batumelebi.netgazeti.ge/news/152038/> (дата обращения 06.03.2022).

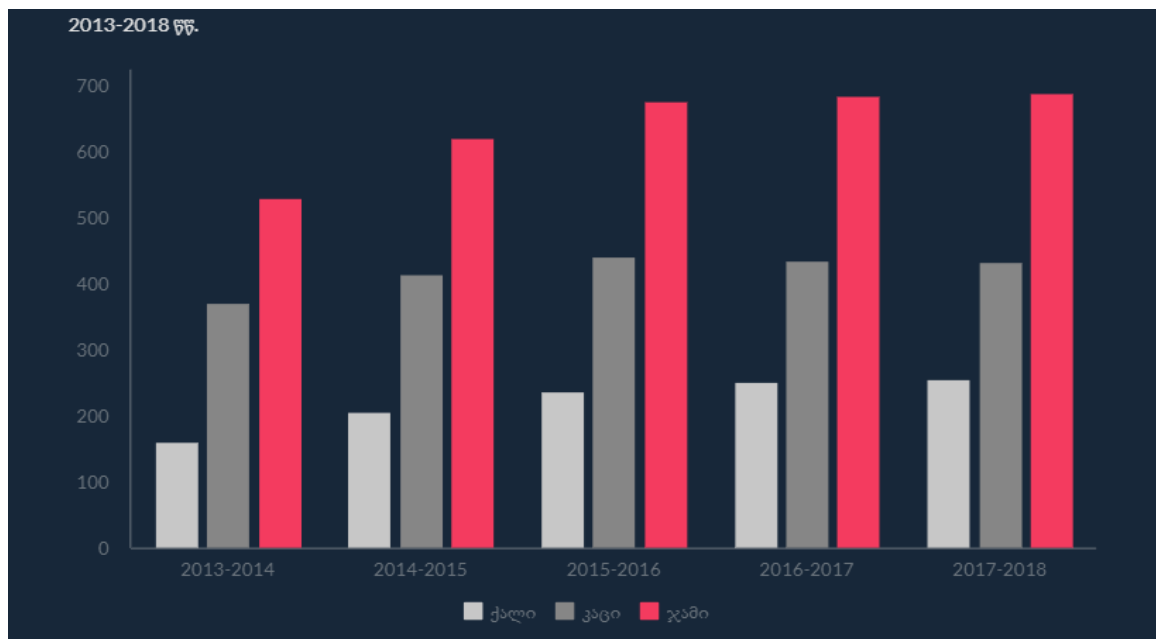

Рисунок 3. Количество грузинских студентов в Турции (2013–2018 гг.): первый столбец – женщины, второй – мужчины, третий – всего студентов

В грузинской образовательной среде особое место занимают турецкие негосударственные учебные заведения и университеты. Самые известные и активные среди них те, которые были основаны организацией «Фетхуллахчылар» (также известна как «Хизмет»), лидером которой является Фетхуллах Гюлен. Деятельность данной организации до 2016 г. полностью поддерживалась турецким руководством, однако после неудавшегося государственного переворота 15 июля 2016 г., в организации которого обвинялись гюленисты, государство перестало поддерживать проект и, более того, начало активную борьбу против движения. Представители данной организации появились в Грузии еще в 1980-х гг., однако активную и открытую деятельность начали вести после распада СССР и подписания «рамочного договора» в 1992 г. между Турцией и Грузией [Кудаяров 2019]. Основной целью движения в Грузии стало приобретение влияния в образовательной среде и образовательной политике страны [Ivanov 2011: P. 81]. Гюленовские учебные организации не только занимались преподаванием и образовательными программами, но и стали активными участниками внешнеполитической стратегии Турции. Под покровительством гюленовской организации «Учебно-просветительские

заведения в Грузии» (образовательная сеть «Чаглар») в Грузии действовали семь школ-лицеев, однако после запрещения движения «Хизмет» две из них закрылись. Национальный центр Грузии по развитию качества образования в августе 2017 г. приостановил авторизацию колледжа имени Демиреля, а в феврале была приостановлена авторизация престижной школы-лицея имени Реффадина Шахина [Kasatkin 2014. 3]. Часть общественности и многие грузинские эксперты считают, что причина крылась не в нарушениях, а в выполнении властями Грузии требований Турции закрыть гюленовские учебные организации.

Анкара оказала давление на Тбилиси и в вопросе университетов. Под ударом оказался Международный черноморский университет (IBSU), который функционировал с 1995 г. и стал одним из самых популярных университетов в Грузии. В августе 2018 г. Совет авторизации высших учебных заведений Грузии на год лишил Черноморский университет права принимать новых студентов, объясняя это финансовыми

проблемами вуза¹. Министерство образования Грузии отвергала политическую составляющую в вопросах гюленовских учебных заведений в Грузии, однако бывший министр образования Гия Нодия и эксперты выразили уверенность, что столь жесткие меры в отношении сразу нескольких школ сети Чаглар и Черноморского университета дают лишний повод обвинить грузинские власти в потакании интересам Турции². Своей борьбой против гюленистов Турция нанесла сильный удар и ослабила свою политику «мягкой силы» в регионе Южного Кавказа, а попытки замены гюленовских учреждений на новые турецкие инициативы и организации не увенчались полным успехом.

Турция для распространения своего положительного имиджа использовала такие инструменты, как:

- Государственные и негосударственные организации.
- Экономическая и инвестиционная деятельность.
- Региональные организации и платформы для позиционирования себя как лидера.
- Этно-религиозная отношения.
- Образование, трудоустройство, туризм.
- Политические связи.

Последующие годы (2008–2011 гг.) Анкара по отношению к Тбилиси начала реализовывать масштабные инициативы,

которые исходили из принципа «доброжелательного соседства» и внесли большой вклад для распространения положительного образа Турции. В этот период для реализации своих целей Турция активно внедрила и использовала весь инструментарий своего потенциала мягкого воздействия.

Таким образом турецкая политика мягкой силы в лице вышеперечисленных институтов, движений и организаций успешно продвигали ценности и положительный имидж Турции в этно-религиозных, культурных, образовательных сферах в Грузии. Обязательство обеспечения взаимосвязи между государственными и негосударственными учреждениями взяла на себя Министерство общественной дипломатии при премьер-министре Турции, этим демонстрируя заинтересованность государства в координации и развития публичной дипломатии как инструмента внешней политики. Несмотря на трудности, связанные с деятельностью гюленистов и их запретом, Турецкое мягкое воздействие не сдало позиции и особенно активизировалось в сферах культуры и образования в Грузии, населенных преимущественно мусульманами (Аджария, Квемо-Картли), чем, естественно, вызывала также обеспокоенность грузинского руководства и некоторых слоев общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексян Л.М. Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2017. 4(4). С. 307-320. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320.
- Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века / // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3(19). 80 с. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037. – EDN GUAXWM.
- Енокян А.В., Закарян С.Б., Турава Г.М. Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в // Вопросы истории. 2021. №. 8-1. С. 18-30.
- Кудаяров К.А., Балджи Б. Каковы перспективы движения Фетхуллага Гюлена в странах Центральной Азии после неудавшегося переворота в Турции? // Социальные и

¹ Турецкие школы в Грузии – жертвы политического давления? // Jam-news. 06.11.2017. URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/turetskiye-shkoly-v-hruzyu-zhertvy-polytycheskoho-davleniya> (дата обращения 06.03.2022).

²Черноморский университет в Тбилиси лишился первокурсников. Правозащитники считают, что виновата Турция // Би-би-си Тбилиси. 28.09.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45657769> (дата обращения: 06.03.2022).

гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 4.

- Манчхашвили М.* Турция и безопасность Южного Кавказа: Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Том 13(4). С. 100-107.
- Мгалоблишвили В.И.* Основные направления внешней политики Республики Грузии: дисс. на соискание ученой степени канд. полит.наук: 23.00.04. Пятигорск. 2016. 72 с.
- Охрименко И.* Турция и кризис на Кавказе. Некоторые политические и экономические аспекты [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2008 г. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7652> (дата обращения: 09.09.2022).
- Каранетян Р.* "Расширяющееся сотрудничество между Турцией, Грузией и Азербайджаном" // 21-й век. 1 (42), 2017, С. 86-97.
- Сафонкина Е.А.* Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9. С. 145-166.
- Aleksanyan, L.M.* The “soft power” policy of Turkey towards Georgia // MGIMO Review of International Relations. 2 (47). 2016. P. 72-79.
- Aras B., Akpınar P.* The Relations between Turkey and the Caucasus / B. Aras, P. Akpınar // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. Autumn. Vol. XVI. № 3. P. 53-68.
- Areshv A.* Turkey’s policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms. Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus (4). 2016. P. 7-21.
- Avatkov V., Kasatkin P.* The soft power of migration – a hard task for the European union. Defence & Security Analysis. 2014. P. 311-322.
- Balcı B.* Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] // Carnegie. 08.05.2014. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-southcaucasus-pub-55945> (дата обращения: 14.05.2021).
- Çelikpala M.* From a failed state to a weak one? Georgia and Turkish-Georgian relations // The Turkish Yearbook. 2005.Vol. 36. P. 159-199.
- Davutoğlu A.* Turkey’s foreign policy vision: An assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008;1(10): P. 77-96.
- Ivanov V.* Religious dimension of Turkey’s policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church // Central Asia and the Caucasus. 2011;3(12): P. 79-90.
- Safonkina E.A.* Turkey as a new actor of soft power policy // International organizations research journal: education, science, new economy. 2014, no. 2, vol. 148 p.
- Sayin F.M., Dogan M.* (2017). Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era // Journal of Liberty and International Affairs. № 3 (2). P. 42–54.
- Uslu N.* The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara, 2003. Vol. 2. No 3&4.
- Yeshiltash M.* The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. No. 4, P. 661–687.

REFERENCES

- Aleksanyan L.M.* Turecko-gruzinskie otnosheniya v kontekste regional'noj politiki Turcii na sovremennom etape // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2017. 4(4). S. 307-320. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320.
- Gevorgyan A.G., Enokyan A.V., Melkonyan L.A.* Politika Turcii i interesy Rossii v Zakavkaz'e v nachale XXI veka / // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. 2020. № 3(19). S. 80. DOI 10.25730/VSU.2070.20.037. – EDN GUAXWM.
- Enokyan A.V., Zakaryan S.B., Turava G.M.* Obrazovatel'naya politika Evropejskogo soyuza, Turcii i Rossii v otnoshenii Gruzii v nachale XXI v //Voprosy istorii. 2021. №. 8-1. S. 18-30.
- Kudayarov K.A., Baldzhi B.* Kakovy perspektivy dvizheniya Fethullaha Gyulena v stranah Central'noj Azii posle neudavshegosya perevorota v Turcii? // Social'nye i gumanitarnye nauki. Ser. 9. Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyj zhurnal. 2019. № 4.
- Manchkhshvili M.* Turciya i bezopasnost' YUzhnogo Kavkaza: Platforma stabil'nosti i sotrudnichestva na Kavkaze // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2010. Tom 13(4). S. 100-107.

- Mgaloblishvili V.I.* Osnovnye napravleniya vneshnej politiki Respubliki Gruzii: diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. polit.nauk: 23.00.04. Pyatigorsk. 2016. S. 72.
- Ohrimenko I.* Turkiya i krizis na Kavkaze. Nekotorye politicheskie i ekonomicheskie aspekty [Elektronnyj resurs] // Institut Blizhnego Vostoka. 2008 g. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7652> (data obrashcheniya: 09.09.2022).
- Karapetyan R.* "Rasshiryayushcheesya sotrudnichestvo mezhdur Turciej, Gruziej i Azerbajdzhanom" // 21-j vek, no. 1 (42), 2017, P. 86-97.
- Safonkina E.A.* Turkiya kak novyj aktor politiki «myagkoj sily» // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2014. № 2. T. 9. S. 145-166.
- Aleksanyan, L.M.* The “soft power” policy of Turkey towards Georgia // MGIMO Review of International Relations. 2 (47). 2016. P. 72-79.
- Aras B., Akpinar P.* The Relations between Turkey and the Caucasus // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. Autumn. Vol. XVI. № 3. P. 53-68.
- Areshev A.* Turkey’s policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms. Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus (4). 2016. P. 7-21.
- Avatkov V., Kasatkin P.* The soft power of migration – a hard task for the European union // Defence & Security Analysis. 2014. P. 311-322.
- Balci B.* Strengths and Constrains of Turkish policy in the South Caucasus [Электронный ресурс] // Carnegie. 08.05.2014. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-southcaucasus-pub-55945> (дата обращения: 14.05.2021).
- Çelikpala M.* From a failed state to a weak one? Georgia and Turkish-Georgian relations // The Turkish Yearbook. 2005.Vol. 36. P. 159-199.
- Davutoğlu A.* Turkey’s foreign policy vision: An assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008;1(10): P. 77-96.
- Ivanov V.* Religious dimension of Turkey’s policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church // Central Asia and the Caucasus. 2011;3(12):79-90.
- Safonkina E. A.* Turkey as a new actor of soft power policy // International organizations research journal: education, science, new economy. 2014, no. 2, vol. 148 p.
- Sayin F. M., Dogan M.* (2017). Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era // Journal of Liberty and International Affairs. № 3 (2). P. 42–54.
- Uslu N.* The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara, 2003. Vol. 2. No 3&4.
- Yeshiltash M.* The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. No. 4, p. 661–687.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Енокян Артём Вачаганович — аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов. Россия, Москва. E-mail: artyomyen@gmail.com

Станис Дарья Владимировна — к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов. Россия, Москва. E-mail: stanis_dv@rudn.university.ru

Enokyan Artyom V. — postgraduate student, assistant of the Department of theory and history of international relations, RUDN University. Russia, Moscow. E-mail: artyomyen@gmail.com

Darya V. Stanis — Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of State and Municipal administration of the RUDN University; Russia, Moscow. E-mail: stanis_dv@rudn.university.ru